

К СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕПРИЯЗНИ, ВРАЖДЫ (*ОЗОРОЧЬЕ, ПОДСЕВУХА, ЗУБ ГРЫЗТЬ*)

Я. В. Малькова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223
«Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики»

Рассматриваются три русских диалектных факта, объединённых семантикой недоброжелательности: *озорочье*, *подсевуха*, *зуб грызть*. Осуществляется семантико-мотивационная реконструкция лексем и фразеологизма, для интерпретации диалектных данных привлекается этнокультурная информация. В результате исследования делается вывод о стоящих за языком народных представлениях о неприязни, вражде.

Ключевые слова: русская диалектная лексика, семантико-мотивационная интерпретация, этнолингвистика, лексика эмоций, лексика неприязни.

Данная статья посвящена происхождению трех лексических единиц, отмеченных в русских говорах: влад. *озорочье* ‘противный человек, нелюбимый муж’; прибайкал. *подсевуха* ‘человек, любящий сеять раздор, вражду’; перм. *зуб грызть* ‘испытывать к кому-л. неприязнь, злобу’. Объединить эти факты в рамках одной статьи позволяет то, что все они относятся к лексико-семантическому полю неприятия кого-, чего-л.

Выбранные для анализа языковые факты представляют определенный исследовательский интерес по нескольким причинам. Во-первых, все они относятся к пласту экспрессивной лексики русского языка, которая сложна для интерпретации ввиду многостороннего, многофакторного (но вместе с тем подчас спонтанного) семантического развития. Во-вторых, рассмотрение данных языковых фактов требует привлечения этнолингвистического и социокультурного контекста. Эти лексические единицы (особенно *подсевуха* и *зуб грызть*) не представляют большой сложности в плане установления производящих основ, но комментария требует, так сказать, «дальнейшая мотивация», проясняющая закономерности их возникновения и дальнейшего функционирования.

ОЗОРОЧЬЕ

Начнём с рассмотрения влад. *озорочье* ‘противный человек, нелюбимый муж’ [14. Вып. 23. С. 100].

Данная лексема, вероятно, произошла от пск., олон., том. *зорок*, олон., твер. мн. *зорки*, олон. *зорки* ‘зрачок’ [14. Вып. 11. С. 343]. Русская грам-

матика свидетельствует о том, что существительные с префиксом *о-* и суффиксом *-j-*, образованные от существительного, имеют словообразовательное значение ‘нечто прилегающее к тому, что названо мотивирующим словом’ [8. С. 233].

Метафора близости в данном случае кажется закономерной: действительно, глаза являются органом восприятия, и потому рождается пространственный образ с их участием. Мы уже писали о том, что, по данным языка, органы восприятия (в том числе при возникновении чувства отвращения) могут приобретать пространственные характеристики [См. 4. С. 120—123]. Так, например, глаза могут представляться как некая плоскость, ср. прикам. *не принимáть на гла́з кого, что* ‘испытывать сильную неприязнь к кому-л., отвращение к чему-л.’ [Там же. С. 122].

Как показывает внутренняя форма последнего фразеологизма, человек стремится отвести глаза от объекта неприятия, прервать контакт с тем, что вызывает негативные эмоции. Представление именно о таком типе поведения отражается и в других языковых фактах с семантикой отторжения, которые образованы от наименований органов или процесса восприятия, ср. лексику ненависти: общерус. *ненавѣдѣть*, перм. *незанавидѣть* ‘невзлюбить’ [10. Вып. 1. С. 587], арх. *возневидѣть* ‘невзлюбить, возненавидеть’ [2. Вып. 5. С. 26], ряз., эвенк. *ненавидный* ‘недоброжелательный, злой’ [14. Вып. 21. С. 91], тул., калуж., ряз., ворон., курск., пск. *ненавѣстный*, ряз., омск. *ненавистной* ‘недоброжелательный, злой’ [Там же] и т. д.

Напротив, когда речь идет о приятных взглядах на вещи или людях, во внутренней форме лексикона отражается представление о желании задержать взгляд на них, ср. краснор. *поглядный* ‘красивый, пригожий’: *На такую поглядную парни засматриваются* [14. Вып. 27. С. 294], пск., твер. *взглядный* ‘приятный на взгляд, видный, красивый’ [14. Вып. 4. С. 254], *загляжённый* петерб. ‘красивый’, новг. ‘милый, приятный’ [14. Вып. 10. С. 9], влад. *завидуций* ‘привлекательный’ [14. Вып. 9. С. 315]

Для влад. же лексемы *озороче* мы наблюдаем обратную ситуацию: объект недоброжелательного отношения находится в поле зрения того, кому он причиняет дискомфорт; на неприятного человека обращают особое внимание. Возникает вопрос, в чем логика подобного развития значения, а также, обладает ли системностью такой тип переноса.

Думается, что, согласно народным представлениям, внимание может привлекать как нечто хорошее, приятное, так и, напротив, вызывающее неприязнь, отвращение и другие отрицательные эмоции. Об этом свидетельствует ряд лексем, образованных от корней с семантикой зрительного восприятия и указывающих на негативные характеристики человека и его поведения. В пример можно привести пск., твер. *ззористый* ‘постыдный, позорный, ззорный’ [14. Вып. 10. С. 96], без указ. места *озористый* ‘буйный, вздорный, бранчливый’ [14. Вып. 23. С. 98—99], арх. *озорко* ‘грешно’ [Там же. С. 99], вят. *озоркой* ‘плохой, негодный’ [Там же], волог. *озорник* ‘лентяй’ [Там же] и др. Безусловно, такой контакт вызывает неприятные ощущения, ср. горьк. *как игла в глазу кому что* ‘о чем-л. крайне надоевшем, опротивевшем’ [5. С. 229].

Интересно отметить, что может встречаться внутрисловная энантиосемия. Такой представляется лексема *узорооче*, которая несёт как значения со знаком «плюс», так и со знаком «минус». С одной стороны, здесь присутствуют лексико-семантические варианты типа волог *узорооче* ‘узоры’, без указ. места. *узороочие*, южн.-сиб., сиб., енис. *узорооче*, арх., забайкал. *узорооче* ‘украшения, драгоценности’, без указ. места *узорооче* ‘дорогие, украшенные узорами вещи, особенно ткани’ [14. Вып. 47. С. 36] (ср. также искусствоведческий термин *ярославское узорооче*). С другой же стороны, мы видим арх. *узорооче* ‘проказливый, бесшабашный, насмешливый человек’, арх., сев.-вост. *узорооче*, белом. *узорооче* ‘своенравный,

упрямый человек’, арх., сев.-вост. *узорооче* ‘злой человек’, ‘ленивый человек’ и др. [Там же. С. 36—37].

ПОДСЕВУХА

Представляет интерес прибайкал. лексема *подсеуха* ‘человек, любящий сеять раздор, вражду’: *Свекруха им жить не дала, подсеуха подла: сына настропалит, а сама ничо не говорит, все вздыхает тока* [14. Вып. 28. С. 176]. Встречается в лексикографической литературе также близкое пск., твер., ирк. *подсевать* ‘подстрекать, настраивать против кого-л.’: *Оне уж с месяц не разговаривают, а эта бегаёт к Мавре-то, подсеваёт там — она того тошнее¹ сердится* (ирк.) [Там же. С. 175]. Несмотря на прозрачную внутреннюю форму, тем не менее, требуются пояснения относительно мотивации предложенных лексем.

О «производственной» метафоре речевой деятельности писала Е. Л. Березович. При обилии лексем, для которых «донорской» сферой является тематическая группа «Земледелие», единичны номинации речи, например, народн. *языком что решетом, так и сеет* [3. С. 318—319]. Отмечается, что «к обозначению речевых актов почти не привлекаются названия тех видов деятельности, которые дают “отложенный” <...> результат: к примеру, при первостепенной роли земледельческих работ в народной жизни их наименования редко подвергаются метафорическому переосмыслению, — а в тех случаях, когда это происходит, номинативно значимым является не результат, а сам процесс» [Там же. С. 323].

Взглянем на другие диалектные лексемы, содержащие корень *сев-* и приставку *под-*. Для удобства восприятия представим их, выделяя семемы: 1) ‘лыстец’ (амур. *подсевала* [11. С. 210], пенз. *подсевалка* [14. Вып. 28. С. 175], краснор. *подсевало* [Там же]), ‘лыстить’ (амур. *подсевать* [11. С. 210]); 2) ‘лицемер’ (прибайкал. *подсевала*, *подсеуха* [12. Вып. 3. С. 76]), ‘лицемерить’ (прибайкал. *подсевать* [Там же]), 3) ‘подстрекатель’ (яросл. *подсевало* [18. Вып. 8. С. 35]), 4) ‘поддакивать’ (прикам. *подсевать* [13. Вып. 2. С. 371]), 4) ‘сплетничать’ (прибайкал. *сеять-подсевать* [16. С. 164]), 5) ‘браниться’ (смол. *подсевать родимцами* [14. Вып. 28. С. 175]).

Как можно заметить, все приведенные лексемы называют вредоносные речевые действия. Кажется, что причина подобного положения дел

¹ Твер. арх. ирк. тошно ‘крайне, очень, сильно’ [14. Вып. 44. С. 310].

кроется в негативно окрашенном смысле такого действия, как *подсевание*.

Кроме того, небезынтересно вспомнить библейскую притчу о добром сеятеле и плевелах. В данном рассказе говорится о том, как человек посеял на своём поле пшеницу, а враг подбросил туда плевелы. Возможно, эта притча также нашла отражение в народных представлениях, связанных с враждой, неприязнью.

Безусловно, обращает на себя внимание и словообразовательная структура лексем *подсевуха* и *подсевать*. Более всего в семантическом отношении для нас важна приставка *под-*, которая связана с целым пластом экспрессивной лексики, негативно характеризующей человека и его действия, например, том. *подлизуха* ‘подлиза, льстец’ [14. Вып. 28. С. 66], пск., твер. *подтягуха* ‘вор’ [Там же. С. 224], южн.-урал. *подловиха* ‘хитрый, лукавый человек’ [Там же. С. 68], мурман., арх., карел. *подживлять* ‘подстрекать, подзадоривать’ [Там же. С. 8], пск., твер. *поддувать* ‘распалить вражду; разжигать страсти’ [14. Вып. 27. С. 397], смол. *подколáчивать* ‘подбивать, подстрекать к ссоре’ [14. Вып. 28. С. 40] и т. д.

Наиболее мотивационно значимыми оказались несколько значений приставки *под-*. В первую очередь, это значение, которое «Русская грамматика» формулирует как ‘действие, названное мотивирующим глаголом, совершить дополнительно’ (например, *подварить, подгрузить* [8. С. 367]). С другой стороны, могло сыграть определенную роль значение ‘тайно, скрытно совершить действие, названное мотивирующим глаголом’ (например, *подбросить, подговорить*) [Там же], поскольку подстрекательство, возбуждение вражды происходит обыкновенно в отсутствие того, о ком разговаривают. Наконец, нельзя не учитывать мотив положения внизу, который заложен в приставке *под-* и предлоге *под*. Нижнее же положение при характеристике человека и его действий, как известно, служит средством негативной этической оценки (например, *низкий* поступок).

ЗУБ ГРЫЗТЬ

Недостаточно прояснённым с точки зрения мотивационных отношений является перм. фразеологизм *зуб грызть* ‘испытывать к кому-л. неприязнь, злобу’: *Не очень-то расположен ко мне, всё зуб грызет на меня. Не гляди, что он улыбается — он давно зуб-от грызет на его* [7. С. 94]. Отметим также, что в словарях фиксируются близкие по значению языковые факты, такие как вол-

гогр. *грызть зубы* ‘сердиться’ [9. Вып. 1. С. 411], *зуб грызть на кого* кемер., хакас. ‘затаить зло против кого-либо’ [17. С. 49], прибайкал. ‘испытывать недоброе чувство к кому-л., желание мести’ [16. С. 84—85], том. *зуб грызти (на кого-либо)* ‘питать недоброе чувство к кому-либо, испытывать жажду мести, иметь зуб на кого-либо’ [14. Вып. 11. С. 353].

Фразеологизмы с компонентом *зуб*, несущие семантику неприязни, злобы и т. п., встречаются и в литературном языке, например, *зуб иметь, точить зуб, скрежетать зубами, зуб за зуб* и др. При этом, как кажется, наиболее близким к диал. *зуб грызть* является лит. *точить зуб*.

Мы полагаем, что в основе последних двух фразеологизмов лежит анималистическая метафора. Думается, в наивном сознании существует представление о том, что подобно тому, как человек, готовясь к охоте, затачивает свои орудия, животное перед нападением заостряет свой главный инструмент — зубы.

Добавим, что в народной культуре *зуб* является своеобразным символом агрессии, о чём свидетельствует множество языковых фактов, например, перм. *зубáтый* ‘вздорный, неуступчивый; сварливый, ворчливый, дерзкий; любящий спорить, вступать в пререкания’ [14. Вып. 11. С. 358], волг. *зуб играет* ‘о сильном чувстве злобы, раздражения, неприязни’ [5. С. 258], сиб. *заглодáть (изглодáть) зубáми* ‘измучить кого-л. постоянными упрёками, придирками; погубить, довести до крайне бедственного положения, до смерти кого-л.’, перм. *точить зубами*, прост. *скрипéть зубами* ‘сердиться, испытывать ярость, гнев, злобу’, курган. *истрясти́ в зубáх* ‘выместить зло на ком-л., отомстить кому-л.’ [5. С. 259], прост. *востри́ть зубы* ‘зло насмеяться над кем-л.’, прикам. *брать/взять зубом* ‘добиваться чего-л. криком, угрозами’, пск., перм., сиб. ‘грубить, дерзить кому-л.’ [5. С. 260] и др. Подобные смыслы могут оказывать влияния и на исследуемые языковые факты.

Если обратиться к компоненту *грызть*, то он зачастую может нести семантику брани, ср. находим арх. *грызть* ‘мучить придирками, упрёками, ругать’ [2. Вып. 10. С. 107], арх. *грызун* ‘ворчун, брюзга, скандалист’ [14. Вып. 7. С. 179], новг. *погрызть* ‘поругать’ [6. С. 842], печор. *глаза грызть* ‘упрекать кого-либо в чём-то’ [15. Т. 1. С. 167]. Особо показателен случай с комплексным значением, сочетающей семантику эмоции и поведенческой реакции:

нижнепечор. *зуб (зубы) грызть (сгрызть) на кого, от чего* ‘злиться на кого-то, кого-то постоянно ругать’: *Что же ты всю жизнь всем огрызаешься? Уже зубы сгрызла от злости* [Там же. С. 268], а также перм. факт, сочетающий корни *зуб-* и *грыз-*, *зубогрызка* ‘женщина,

которая дерзко возражает, спорит, отстаивает что-л.’ [10. Вып. 1. С. 334].

Таким образом, избранный для анализа фразеологизм, имеющий в своей основе, по-видимому, анималистическую метафору, несёт целый ряд культурных коннотаций.

Список литературы

1. Агапкина Т. А. [и др.] Поле, нива, пашня // Славянские древности: Этнолингвистический словарь; под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. С. 133—137.
2. Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецевой. Вып. 1—15. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980—2013. (Изд. продолжается).
3. Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция: моногр. М.: Рус. Фонд Содейст. Обр. и Науке, 2014. 488 с.
4. Малькова Я. В. Пространственные образы в обозначениях чувства отвращения, неприятия (на материале лексики русских народных говоров) // Научный диалог. 2018. № 12. С. 119—132.
5. Мокиенко В. М. Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок; под общ. ред. В. М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.
6. Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.
7. Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.
8. Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
9. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшова. Вып. 1—5. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006—2009.
10. Словарь пермских говоров: в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 1999—2002.
11. Словарь русских говоров Приамурья / сост. Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин [и др.]; отв. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1983. 342 с.
12. Словарь русских говоров Прибайкалья: в 4 вып. / отв. ред. Ю. И. Кашевская. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986—1989.
13. Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 вып. / И. А. Подюков, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных; науч. ред. И. А. Подюков; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. — Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2010—2012.
14. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1—47. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965—2014.
15. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. — СПб.: Наука, 2008.
16. Фразеологический словарь русских говоров Прибайкалья / сост. С. С. Аксенова, Н. Г. Баканова, Н. А. Смолякова; науч. ред. Н. Г. Баканова. Иркутск: ИГУ, 2006. 295 с.
17. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1983. 232 с.
18. Ярославский областной словарь: в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1990.

Сведения об авторе

Малькова Яна Владимировна — соискатель кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, ассистент Подготовительного отделения для иностранных учащихся Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. yana-malkova@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 83—88.*

ON THE SEMANTIC AND MOTIVATIONAL INTERPRETATION OF RUSSIAN DIALECTAL VOCABULARY WITH “DISLIKE, ENMITY” MEANING (*OZORÓCHIE, PODSEVUKHA, ZUB GRYZT*)

Ya. V. Malkova

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia. yana-malkova@list.ru*

The research is carried out within the project 20-18-00223 “Etymological and Semantic Reconstruction of the Russian Dialect Vocabulary” supported by the Russian Science Foundation.

This article deals with three Russian dialectal phenomena: Vladimir Region *ozoróchie* “nasty person, unloved husband”, Baikal Region *podsevúkha* “a person who likes to sow dissention, discord”, Perm Region *zub gryzt* “to dislike someone, feel angry about someone”. These lexical units and a phraseological unit are semantically and motivationally reconstructed. The author supposes that *ozoróchie* word comes from Pskov, Olonetsk, Tomsk Region *zorók* “pupil”. The inner form of the lexical unit comprises a concept that an unpleasant person attracts special attention. From the author’s point of view, the second lexical unit *podsevúkha* is related to Vologda Region *podsevát* “throw a handful of grains to someone else’s field”. Prefix *pod-* that carries a number of negative meanings is also motivationally significant. According to the author’s opinion, the phraseological unit *zub gryzt* is an animalistic metaphor. On the other hand, it is noted that each component of the phraseological unit has its own motivational potential. Thus, *zub* (a tooth) in folk culture is a symbol of aggression, and the verb *gryzt* (to gnaw) is often used for naming malicious vocal acts.

Key words: *Russian dialectal vocabulary; semantic and motivational interpretation, ethnolinguistics; emotions vocabulary; dislike vocabulary.*

References

1. Agapkina T.A., Tolstoy N.I. (ed.) [et al.] (2009) Pole, niva, pashnya [Field, crop field, ploughland]. *Slavyanskies drevnosti: Etnolingvistiicheskiy slovar'* [Slavic relics: An ethnolinguistic vocabulary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 4: P (Pereprava cherez vodu) — S (Sito). Pp. 133—137 [in Russ.].
2. Getsova O. G. (ed.) (1980—2013) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Dictionary of Arkhangelsk Region]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ. Iss. 1—15 [in Russ.].
3. Berezovich E. L. (2014) *Russkaya leksika na obshchoslavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Vocabulary against the Common Slavic Background: Semantic and Motivational Reconstruction]. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science Publ. 488 p. [in Russ.].
4. Mal'kova Ya. V. (2018) *Nauchnyy dialog*, no. 12, pp. 119—132 [in Russ.].
5. Mokienko V. M. (ed.), Nikitina T. G. (2008) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [The Great Dictionary of Russian Sayings]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ. 784 p. [in Russ.].
6. Levichkin A. N., Myznikov S. A. (eds.). (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Dictionary of Novgorod Region]. St.-Petersburg, Nauka Publ. 1435 p. [in Russ.].
7. Prokosheva K.N. (2002) *Frazeologicheskiy slovar' permskikh govorov* [Dictionary of Phraseological Units in Perm Dialects]. Perm, Perm State Ped. Univ. Publ. 431 p. [in Russ.].
8. Shvedova N. Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian Grammar in 2 vol.]. Moscow, Nauka [in Russ.].
9. Kudryashova R. I. (ed.) (2006—2009) *Slovar' donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of Don Dialects of the Volgograd Region]. Volgograd, VGIPK Publ. Iss. 1—5 [in Russ.].
10. Borisova A. N., Prokosheva K. N. (eds.) (1999—2002) *Slovar' permskikh govorov: v 2 vyp.* [Dictionary of Perm Dialects in 2 iss.]. Perm, Knizhnyy mir [in Russ.].
11. Filin F. P. (ed.), Ivanova F. P., Kirpikova L. V., Putyatina L. F. (1983) *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya* [Dictionary of Russian Dialects of the Amur Region]. Moscow, Nauka. 342 p. [in Russ.].

12. Kashevskaya Yu. I. (ed.) (1986—1989) Slovar' russkikh govorov Pribaykal'ya: v 4 vyp. [Dictionary of Russian Dialects of the Baikal Region in 4 iss.]. Irkutsk, Irkutsk Univ. Publ. [in Russ.].

13. Podyukov I. A. (ed.), Svalova E. N., Khorobrykh S. V., Chernykh A. V. (2010—2012) Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikam'ya: v 3 vyp. [Dictionary of Russian Dialects of the Southern Kama Region in 3 iss.]. Perm, Perm State Human. Ped. Univ. Publ. [in Russ.].

14. Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965—2014) Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow, Leningrad, Saint Petersburg, Nauka. Iss. 1—47 [in Russ.].

15. Stavshina N. A. (2008) Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Nizhnei Pechory: v 2 t. [Dictionary of Phraseological Units in Russian Dialects of Nizhnaya Pechora in 2 vol.]. St.-Petersburg, Nauka [in Russ.].

16. Aksenova S. S., Bakanova N. G. (ed.), Smolyakova N. A. (2006) Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Pribaykal'ya [Phraseological Dictionary of Russian Dialects of Baikal Region]. Irkutsk, Irkutsk State Univ. 295 p. [in Russ.].

17. Fedorov A. I. (ed.) (1983) Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Sibiri [Phraseological Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. Novosibirsk, Nayka, Sib. otd. 232 p. [in Russ.].

18. Mel'nichenko G. G. (ed.) (1990) Yaroslavskiy oblastnoy slovar': v 10 vyp. [Dictionary of Yaroslavl Region in 10 iss.]. Yaroslavl, Yarosl. State Ped. Univ. named after K. D. Ushinsky Publ. [in Russ.].